

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.13>

UDC 811.161.1:81'367.626.1

LBC 81.411.2-51

Submitted: 20.01.2026

Accepted: 20.03.2026

THE POETICS OF THE SEMANTIC CONTRAST “TY – VY” IN THE LOVE LYRICS OF Ye.A. BORATYNSKY AND A.S. PUSHKIN

Anatoly L. Sharandin

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Abstract. The relevance of the topic is determined by its connection with the primary communicative-and-discursive approach, within which the analysis of poetic grammar in the elegies of Ye.A. Boratynsky and A.S. Pushkin is presented exemplified by personal pronouns. The object of the analysis is the new meaning of the pronominal opposition **ty** (2nd person, singular; *you*) – **vy** (2nd person, singular, polite; *You*). It is concisely expressed in Pushkin's poem *Ty and vy*: “the heartfelt *you*” is functionally opposed to “the empty *You*” as being determined by the comprehension and perception of the work on the whole. The subject of the analysis is the poetics of the use of the pronouns **ty** (*you*) and **vy** (*You*). The purpose is to disclose their contextual opposition in relation to a single person, which differs from their systemic grammatical opposition based on number. It has been established that in the context of Pushkin's poem, the personal perception of the transition to **ty** (*you*) is represented, determined by the emotional and psychological interaction of *I* in relation to the addressee (**ty** – *you*, **vy** – *You*). The poetic semanticization of pronouns is determined by the functional referential meanings of *I*, *you*, *You* (the author, the lyrical hero, the beloved as the addressee, etc.) obtained within the framework of the poetic text. Based on a contextual analysis of the poems by Pushkin and Boratynsky, both of which are entitled “Recognition,” common and distinctive characteristics of the pronouns usage have been identified. It is concluded that Boratynsky's love lyrics present Pushkin's perception, primarily in relation to the pronouns **ty** (*you*) and **vy** (*You*), addressing the beloved one.

Key words: Boratynsky (Baratynsky), Pushkin, love lyrics, poetic grammar, personal pronouns, functional meaning, literary text.

Citation. Sharandin A.L. The Poetics of the Semantic Contrast “ty – vy” in the Love Lyrics of Ye.A. Boratynsky and A.S. Pushkin. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2026, vol. 25, no. 2, pp. 166-177. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.13>

УДК 811.161.1:81'367.626.1

ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 20.01.2026

Дата принятия статьи: 20.03.2026

ПОЭТИКА СМЫСЛОВОГО ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЯ «ТЫ – ВЫ» В ЛЮБОВНОЙ ЛИРИКЕ Е.А. БОРАТЫНСКОГО И А.С. ПУШКИНА

Анатолий Леонидович Шарандин

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Аннотация. Актуальность темы определяется связью с приоритетным коммуникативно-дискурсивным направлением, в рамках которого на материале местоимений проведен анализ поэтической грамматики в элегиях Е.А. Боратынского и А.С. Пушкина. Ее объектом оказывается новый смысл местоименного противопоставления **ты** – **вы**. Он наиболее лаконично выражен в стихотворении Пушкина «Ты и вы»: «сердечное **ты**» и «пустое **вы**», имеет функциональный характер и задается осмыслением произведения в целом. Предмет анализа составляет поэтика употребления местоимений **ты** и **вы**, цель – выявление характера их противопоставления по отношению к одному лицу, которое отличается от их системного грамматического противопоставления по признаку числа. Установлено, что в контексте стихотворения Пушкина присутствует личностное восприятие перехода на **ты**, зависящее от эмоционального и психологического взаимодействия *я* и адресата (**ты**, **вы**). Поэтический смысл местоимений обусловлен функциональными референтными смыслами *я*, **ты**, **вы** (автор, лирический герой, возлюбленная как адресат обращения и др.) в рамках по-

этического текста. На основе контекстуального анализа стихотворений Пушкина и Боратынского, имеющих общий заголовок «Признание», выделены общие и отличительные черты употребления местоимений. Сделан вывод, что в любовной лирике Боратынского представлено именно пушкинское восприятие, прежде всего в отношении *любовного ты и вы*.

Ключевые слова: Боратынский (Баратынский), Пушкин, любовная лирика, поэтическая грамматика, личные местоимения, функциональный смысл, художественный текст.

Цитирование. Шарандин А. Л. Поэтика смыслового противопоставления «ты – вы» в любовной лирике Е.А. Боратынского и А.С. Пушкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2026. – Т. 25, № 2. – С. 166–177. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2026.2.13>

*Посвящается 100-летию
со дня рождения профессора
Софии Петровны Лопушанской –
кавалера медали имени А.С. Пушкина*

Профессор София Петровна Лопушанская принадлежит к плеяде ученых России, которые составляют ее славу и гордость. Это Ученый с большой буквы, образец преданности и бескорыстного служения филологической науке и педагогическому труду. Мне уже приходилось неоднократно обращаться к научным проблемам, которые были в центре внимания ее научной деятельности. Несомненно, одной из таких проблем являлась проблема описания системы времен в древнерусском языке [Лопушанская, 1990] и концепта ВРЕМЯ с позиций его языковой объективации [Шарандин, 2011а; 2011б]. При этом важно, что С.П. Лопушанская сумела увидеть в современном языковом времени следы и взаимодействие разных временных эпох, но не как ушедших безвозвратно, а как вошедших органично в современную эпоху и отраженных в языковой картине мира и жизненном опыте носителей русского языка [Шарандин, 2022а]. Этому способствовал созданный ею научный метод, позволивший обосновать концепцию о взаимообусловленности языковых явлений в процессе эволюции *на основе компенсаторных процессов в языке*.

Не менее значимой в жизни С.П. Лопушанской была педагогическая и просветительская деятельность. Это определялось пониманием, что наука востребована тогда, когда она реализуется в практической работе педагогов, которые стремятся учитывать современные знания в русистике. Однако С.П. Лопушанская осознавала, что на этом пути учителя сталкиваются с особой ситуацией, когда методика

как наука часто не успевает адаптировать приращение новых научных знаний к школьному обучению, поскольку нет уверенности в однозначности научных результатов и их научном долголетии. Поэтому ее анализ учебников по истории русского языка стал важным компонентом в профессиональной деятельности учителей, в университетском образовании – «вратами учености» [Лопушанская, 1998]. В связи с этим С.П. Лопушанская много внимания уделяла просветительской работе с учителями, поскольку прекрасно осознавала, что перед наукой и образованием стоят разные задачи, которые сориентированы на учет когнитивных возможностей, психологических особенностей и уровня знаний учащихся на том или ином этапе их развития во время обучения [Шарандин, 2022б].

Особое место в профессиональной и просветительской деятельности она уделяла творчеству А.С. Пушкина [Лопушанская, 1999б], его размышлениям в письмах, поскольку в них она видела лингвокультурологическую значимость, которая определялась связью с жизнью народа [Лопушанская, 1999а]. Естественным и закономерным итогом активной работы в области русистики и просвещения, изучения и сохранения русского культурного наследия стало награждение С.П. Лопушанской государственной наградой РФ – медалью имени А.С. Пушкина. Наша статья в этом плане демонстрирует уважение к ученому, к пушкинской проблематике в научной, профессиональной и просветительской деятельности С.П. Лопушанской.

Введение

Осмысление поэтического наследия Е.А. Боратынского (или в другой орфогра-

фической традиции – Баратынского, которую мы сохраняем в случае ее использования в авторском тексте) не требует широких и пространных рассуждений, в которых дается оценка значимости и уникальности его поэзии. Достаточно привести высказывания А.С. Пушкина, отмечавшего ее отличительные характеристики. По его мнению, «Баратынский принадлежит к числу отличных наших поэтов. Он у нас оригинален, ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» (Пушкин, т. 16, с. 116). Это мнение во многом основывалось на восприятии и оценке элегий Баратынского. Именно этот лирический жанр, представленный любовной тематикой, был основным в ранний период его поэтического творчества и принес ему признание и успех. Венцом восхищения поэтическим даром Баратынского стало высказывание Пушкина относительно его стихотворения «Признание» в письме к А. Бестужеву (12 января 1824 г.): «Баратынский – прелесть и чудо; «Признание» – совершенство. После него не стану печатать своих элегий» (Пушкин, т. 16, с. 185).

Таким образом, оценка Пушкиным элегий Баратынского – это не только эмоциональное восприятие таланта поэта, но и признание того, что в России появился самобытный поэт, который способен внести заметный вклад в развитие такого жанра лирики, как элегия. Что же касается самого Баратынского, то его самооценка опубликованных стихотворений была более сдержанной (*Мой дар убог, и голос мой не громок*) и выразилась в известной строке о том, что «*читателя найду в потомстве я*» («Мой дар убог»). Думается, это справедливо по отношению к более поздней лирике поэта, которую исследователи определяют как *философскую*, тогда как любовная лирика обрела своего читателя уже в ранний период поэтического творчества Баратынского и имела значительный успех. Это было обусловлено важнейшей отличительной чертой его элегий: любовная лирика Баратынского описывала любовь и все, что с ней связано, не статично, а в динамике, которая фиксировала различные конкретные ее проявления в отношениях между автором, выраженным, с одной стороны, *личностным я* или *я-лирическим героем*,

а с другой стороны, возлюбленной, представленной адресатом – *любовным ты / вы*.

Целью статьи является контекстуальный анализ противопоставления местоимений **ты** и **вы**, функциональный (поэтический) смысл которого отличается от их системного грамматического противопоставления в русском языке. При этом отношение А.С. Пушкина и Е.А. Баратынского к возлюбленным в качестве адресата находило свое выражение в выборе местоимений **ты** или **вы**. В качестве основных методов контекстуального анализа текстов использовались описательный и сопоставительный.

Результаты и обсуждение

Противопоставление ты – вы в аспекте поэтики

В самом общем смысле *поэтика* определяется исследователями как наука о словесном (поэтическом) творчестве [Тамарченко, 2001, с. 13–22]. Такое определение позволяет использовать данное понятие и в литературоведении, и в языкознании. В статье термин «поэтика» понимается в широком, объединяющем смысле. Она включает и вопросы литературного анализа произведения, и вопросы его лингвистического анализа с точки зрения выполнения языковыми средствами поэтической (художественной, эстетической, экспрессивной) функции в структуре литературного произведения. При этом в своем единстве они связаны с речемыслительной деятельностью автора произведения, с его когнитивными способностями [Шарандин, 2013]. Такой тройной союз оказывается вполне закономерным, ибо он определяется природой художественного произведения [Шарандин, 2012]. По мнению О.Г. Ревзиной, когнитивная функция «не только “не ослабляется” в поэтическом языке, но поэтический язык для нее и создается...» [Ревзина, 1998, с. 5].

На наш взгляд, *поэтика* – это одна из сфер изучения литературного произведения (художественного текста) в аспекте его взаимосвязи с поэтическим языком, когда они не противопоставляются друг другу, а представляют собой единое целое, в составе которого используются принципы и методы

как литературоведения, так и лингвистики. Их выбор определяется значимостью художественной информации и осознанной ментальной деятельностью писателя или поэта, использующего целенаправленный набор языковых средств и свое авторское мировидение в качестве основы для эстетического восприятия читателем созданного произведения искусства [Шарандин, 2025].

Именно такого рода поэтическое восприятие представлено в **смысловом** противопоставлении личных местоимений **ты** – **вы**. В традиционной (структурно-семантической) грамматике их значение связано с грамматической категорией числа: **ты** – 2-е л. ед. ч., а **вы** – 2-е л. мн. ч. В статье же речь идет об особом смысловом различии, которое выявляется в художественном тексте в рамках указания данными местоимениями отношения к одному лицу, а не по отношению к одному (**ты**) или нескольким лицам (**вы**). Характер противопоставления между ними уже не грамматический, а особый – функциональный, то есть смысл противопоставления определяется текстом, его поэтическим назначением и восприятием. Кстати, особо заметим, что чисто грамматическое противопоставление не составляет предмета поэтической грамматики. Им оказывается тот новый смысл, который формируется в рамках произведения в целом. Поэтому представленный языковой анализ местоимений **ты** и **вы** выполнен в рамках поэтической грамматики, предмет которой не вообще грамматика, а лишь только то, что выполняет в ней поэтическую функцию.

Сферой выявления и описания поэтического смысла оказывается любовная лирика, представленная элегиями Пушкина и Боратынского. Анализируются не все возможные смыслы местоимений **ты** и **вы** в их текстах, а только тот смысл, который исследователями определяется как «*любовное ты*» и «*любовное вы*», то есть **ты** и **вы** – это адресаты отношений «*любовного я*» как адресанта.

Естественно, в употреблении местоимений в элегиях главенствующую роль играет личное местоимение **я**, поскольку «лирика – это, по общему признанию большинства филологов, речь от первого лица»; «это прежде всего особая позиция лирического поэта по отношению к миру» [Ковтунова, 2005, с. 7].

Причем по отношению не только к внешнему миру, но и к своему внутреннему миру и к адресату, которому адресовано авторское **я**-мироощущение или **я**-мировидение.

Отношения между **я** и **ты** как объектами языкового анализа лирических произведений Боратынского имеют исследовательскую традицию. Несомненно, у истоков их анализа, да и поэтической грамматики как особого аспекта описания грамматики, стоял Г.О. Винокур, создавший ряд этюдов о русском поэтическом языке. Одним из таких этюдов стала его статья (к сожалению, незавершенная) «Я и ты в лирике Боратынского» [Винокур, 1990]. При этом Г.О. Винокур (выделим особо) исходит из анализа не отдельных высказываний, составляющих художественный текст, а из отдельного законченного стихотворения. Такой подход, на наш взгляд, следует признать более обоснованным и продуктивным, поскольку в этом случае мы анализируем не столько речевой акт как таковой, сколько преломление (интерпретацию) речевой ситуации в сознании автора художественного произведения. Понятия текста как отражения речевого акта (коммуникативной ситуации) и произведения оказываются хотя и взаимосвязанными, но не тождественными.

С нашей точки зрения, **произведение** – это созданный («произведенный») продукт художественного творчества как речемыслительной деятельности, в которой реализован художественный замысел автора, отражающий его когнитивные способности (мировоззрение и мировидение) в осмыслении реальной или вымышленной действительности, творчески воссозданной им в художественном сознании и объективированной целостным и законченным содержанием текста. Доступность к его восприятию и пониманию обеспечивает язык как многоуровневая система изобразительно-выразительных средств (единиц), коррелирующая с практической (обыденной) системой языковых знаков, представленных прежде всего словами.

Значительную роль в восприятии произведения играет **внетекстовая информация**, позволяющая погрузить анализ художественного текста в сопоставление с личными событиями в жизни автора, чтобы глубже и полнее понять создание и содержание произведений [Шарандин, 2024]. Поэтому произведения, как правило,

представляют собой дискурсивные тексты, то есть произведения поэта – это художественные тексты, «погруженные в жизнь» (Н.Д. Арутюнова). Кроме того, внетекстовая информация, связанная со знанием реальной ситуации, создает своего рода эмоциональный фон текста. В этом случае реализация образа в тексте, его художественная сила «не в том, что разумел под ним автор, а в том, как оно действует на читателя или зрителя» [Потебня, 1989, с. 167].

В своей совокупности и взаимосвязи собственно текстовое содержание и внетекстовая информация (когнитивный контекст) обеспечивают полноту восприятия смысла (идеи) текста, приближая читателя к пониманию художественного замысла автора или лирического я. «Текст, – отмечал Ю.М. Лотман, – один из компонентов художественного произведения, конечно, крайне существенный компонент, без которого существование художественного произведения невозможно. Но художественный эффект в целом возникает из сопоставлений текста со сложным комплексом жизненных и идейно-эстетических представлений» [Лотман, 1972, с. 24–25].

В этом плане содержание, в частности, местоимения «часто оказывается в зависимости от всего понятийного (лексико-семантического) строя произведения в целом» [Лотман, 1972, с. 77]. В художественном тексте грамматические особенности местоимений, связанные с их дейктическим характером, подчинены поэтическому смыслу, вследствие чего они получают референтный смысл. Так, например, местоимение **ты** указывает не столько на слушающего, сколько на конкретного собеседника, восприятие которого лирическим героем или автором оказывается различным (уважительным, неуважительным, социально обусловленным, этикетным).

С этих позиций, то есть с позиций смыслового расширения, обусловленного комплексом текстовых и внетекстовых представлений, в статье анализируются местоимения **ты** и **вы** в произведениях Пушкина и Боратынского. Именно отношения между ними структурируют текст и его содержание, определяют выбор адресантом местоимения **ты** или **вы**. Показательным в этом плане является стихотворение Пушкина «Ты и вы», в котором они получили поэтический смысл, обусловленный

референтным характером отношений между адресантом (автором или лирическим героем) и адресатом (возлюбленной).

Местоимения ты и вы в стихотворении

А.С. Пушкина «Ты и вы»

Пушкинское стихотворение, заголовок которого представлен противопоставлением «Ты и вы», было опубликовано в 1828 г. в альманахе «Северные цветы». Оно посвящено А.А. Олениной, которая была возлюбленной Пушкина в 1828–1829 гг. и к которой он сватался, но получил отказ. Откликом на отказ стало послание Пушкина «Я вас любил», написанное в альбом возлюбленной. По своему содержанию оно отражало не столько художественную, сколько прагматическую цель его автора – прощание с возлюбленной, чувства к которой остались безответными. Однако впоследствии данный текст был напечатан в альманахе «Северные цветы» в 1830 году. В результате письмо-послание оказалось оторванным от конкретной ситуации и приобрело статус художественного текста, восприятие которого отражало чувства уже не столько самого Пушкина, сколько лирического героя произведения [Шарандин, 2024].

В более раннем стихотворении «Ты и вы» отношения между Пушкиным и Олениной были поэтически выражены на основе литературного приема, широко представленного в элегиях, – антитезы: **ты** символизирует восприятие «сердечное», а **вы** – «пустое», то есть как вежливое и общепринятое в светской среде обращение. Ср.: *Пустое вы сердечным ты // Она, обмолвись, заменила*. Языковой особенностью этих сочетаний является то, что местоимения **ты** и **вы** употреблены как существительные, что и позволило им иметь при себе определения, выраженные прилагательными. Собственно личные местоимения такой атрибутивной сочетаемости не допускают. Они сочетаются с прилагательными, которые выполняют функцию предиката, но не определения.

Примечательным в строках о *пустом вы* и *сердечном ты* является дееспричастие *обмолвись*, содержание которого отнюдь не свидетельствовало, что произошел окончательный переход на *сердечное ты* в их общении. Возможно, это была любовная игра со стороны возлюбленной. В силу этой неопределенности

лирический герой, соблюдая общепринятый этикет, продолжает использовать **вы**, внутренне надеясь, что обращение **ты** не обмолвка, а характеризует то состояние, которое окрашено любовным чувством и дает основание для обращения на **ты** (*Я тебя люблю!*). Однако эта надежда впоследствии не оправдалась, о чем и свидетельствовало стихотворение «Я вас любил», посвященное, по мнению большинства пушкиноведов, А.А. Олениной. Кстати, в нем отсутствует местоимение **ты**, а есть лишь противопоставление **я – вы**.

Таким образом, в произведении Пушкина «Ты и вы» мы имеем реализацию противопоставления **ты – вы** в новом, смысловом содержании. Они противопоставлены не по линии числа (**ты** – ед. ч., а **вы** – мн. ч.), а по линии наполнения смысловым содержанием в рамках противопоставления в ед. ч., то есть в отношении одного лица. Данный смысл выражается лексически (прилагательными) и подтверждается контекстом, который характеризует чувства лирического героя в отношении своей возлюбленной.

Тенденция употребления **вы** в отношении одного лица была обусловлена социально-культурными изменениями в этикете. Дело в том, что русская допетровская культура не знала такого употребления: к царю и боярам обращались на **ты**. И только в 1722 г. в известной Табели о рангах обращение на **вы** (**Вы**) к вышестоящему по чину было закреплено официально. За нарушение следовал штраф. В результате, наряду с грамматическим употреблением, в обществе появляется социальное употребление **Вы** как знака почтения, уважения, более высокого социального положения по службе и т. д. При этом форма **ты** оставалась в обращении к Богу: *...да святится имя Твое; Да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя...*

В связи с этим обращает на себя внимание наличие допушкинских произведений [Довгий, 2015], в которых оппозиция **ты – вы** вынесена в заголовок. Так, у Я.Б. Княжнина есть стихотворение «Ты и Вы. Письмо к Лизе» (1786). В нем форма **Вы** указывает на высокое социальное положение Лизы, ставшей супругой генерала, что отделило ее от прежнего круга знакомых. При этом обращает на себя внимание орфография местоимения **Вы**, предполагающая написание с прописной буквы. Ср.:

*О ты! которую теперь звать должно – Вы,
С почтеньем, с важностью, с уклонкой*

головы;

*О прежняя Лиза, ты!.. Вы барыня уж ныне.
Скажите, так ли Вы в сей счастливы*

судьбине...

<...>

*Вспомните, как Вы была лишь только ты,
Еще не знающая величия мечты...*

Таким образом, смена местоимений в этом стихотворении отражает смену социальных отношений между собеседниками, оставляя сердечный характер отношений лишь в их памяти и выдвигая на первый план отношения социального статуса – социального неравенства.

В отличие от стихотворения Я.Б. Княжнина, в контексте стихотворения А.С. Пушкина в большей степени представлено личностное восприятие перехода на **ты**, определяемое эмоциональным и психологическим взаимодействием **я** в отношении адресата (**ты, вы**). Однако это взаимодействие также подвержено определенному этикету, существовавшему в обществе в то время. Поэтому Пушкин, согласно этикету, говорит **вы**; однако *говорю: вы, но мыслю: ты*.

Следует отметить, что однозначно определить социальные и культурные роли местоимений **ты** и **вы** без анализа эмоционального и психологического взаимодействия адресанта и адресата достаточно сложно. Показательным в этом плане является стихотворение Пушкина «На холмах Грузии», в котором линия сердечности и пустоты в связи с употреблением в общении местоимений **ты** и **вы** для него сохраняет свою значимость и актуальность. И хотя это стихотворение также связано с безответной любовью поэта, но при этом отношения лирического героя и его возлюбленной не утрачены полностью, а оставляют надежду на их сердечное возобновление при новых встречах. Адресат выражен языковой формой местоимения **ты** (*тобой*), в отличие от выраженности адресата в тексте «Я вас любил» – местоимением **вы** (*вас*). Это дает возможность предположить, что отношение к возлюбленной в тексте «На холмах Грузии» (по мнению большинства пушкиноведов, ею была Н.Н. Гончарова) более нежное, более

чувственное, сердечное, находившее, возможно, больший отклик в ее отношении к поэту.

В элегиях о любви Боратынского линия сердечности и обусловленная этим душевная близость между лирическим героем и его возлюбленной также, на наш взгляд, присутствует и выражена в выборе между местоимениями **ты** и **вы**. Однако, *в отличие от Пушкина*, у Боратынского мы не находим смыслового противопоставления **ты** и **вы** в рамках *одного* текста: употребляется либо **ты**, либо **вы** в самостоятельных художественных текстах.

Отношения **ты** и **вы** определяются Боратынским на основе своего любовного опыта и отношения к нему. Причем, по мнению исследователей, Боратынский рано разуверился в любви, в большей степени видел в ней опыт разочарований и несбывшихся надежд. *В отличие от Пушкина*, сердце которого не может не любить, и поэтому оно вновь и вновь было открыто для любви и, соответственно, для характеристики любовных отношений с позиций их сердечной близости или отчужденности, Боратынский в большей степени был сконцентрирован на утратах в любви, на ее угасании. Поэтому, на наш взгляд, его *сердечное ты* чаще всего отражало отношения в прошлом.

Местоимения ты и вы в стихотворениях

А.С. Пушкина «Признание»

и Е.А. Боратынского «Признание»

Особый интерес в плане восприятия любви вызывают два стихотворения, имеющие у Пушкина и Боратынского один и тот же заголовок – «Признание». В 1826 г. Пушкин пишет свое «Признание» («Я вас люблю, – хоть я бешусь...»), обращенное к А.И. Осиповой, но при жизни поэта не опубликованное (как считается, по причине особой интимности). Такой же заголовок имело и стихотворение Боратынского, но оно было опубликовано в 1823 году. Поэтому естественно предположить, что это не случайно. Вероятно, в этом проявилось стремление Пушкина в какой-то степени полемизировать с Боратынским относительно восприятия любовных отношений *умом и сердцем*. Для элегии Боратынского ум (рассудок) имеет приоритет над сердцем (*Печаль бесплодную рассудком умири*). В элегии же Пушкина, на наш взгляд, представлены

иные приоритеты: сердце оказывается сильнее ума. Ср.: *Я вдруг теряю весь свой ум* или *Любуюсь вами, как дитя*. Следует заметить, что, по мнению исследователей, дискуссии между Боратынским и Пушкиным велись лишь в связи с их творчеством. Поэтому ожидать в их общении жизненных откровений в отношении чувств, скорее всего, не приходилось. В этом плане примечательно то, что Пушкин в письме жене от 14 мая 1836 г. написал: «Баратынский очень мил. Но мы как-то холодны друг к другу» (Пушкин, т. 13, с. 84–85).

Таким образом, «Признание» Боратынского и «Признание» Пушкина – это отражение двух разных жизненных позиций и принципов, двух разных восприятий любви. У Пушкина любовь никогда не умирает полностью, она всегда имеет перспективу в отношениях с возлюбленными, поскольку он полагается в большей степени на сердце, чем на ум (рассудок). Ср.: *И сердце вновь горит и любит – оттого, // Что оно не может не любить* («На холмах Грузии»). У Боратынского чаще всего мы воспринимаем угасание любви: *В душе моей одно волнение, // А не любовь пробудишь ты* («Разуверение»). Поэтому в сердце поэта *уж нет прекрасного огня // Моей любви первоначальной* («Признание»). У Пушкина искры любви способны разжечь пламя, а у Боратынского от пламени любви остаются его искры. Ср.: *И пламень мой, слабея постепенно, // Собою сам погас в душе моей* («Признание»). Пушкин воспекает вечную любовь в ее прекрасных мгновениях, которые связаны с его возлюбленными, даже и в случае безответной любви. Боратынский же воспекает кратковременную любовь, к которой часто уже нет возврата.

В стихотворении «Признание» Боратынского в противопоставлении адресанта **я** адресату **ты** представлены разные формы местоимения **ты**: *образ твой, к тебе взывал*. Кроме того, форма **ты** также скрыта в употреблении глагольных форм повелительного наклонения: *нежности не требуй от меня, не завидуй нам, печаль рассудком умири, не вступай в суд со мною*. При этом смысл **ты-возлюбленная** порой включен в местоимение **мы** (**я** и **ты**): *мы шли дорогою одною, не властны мы в самих себе, уповевает нас первая любовь, даем поспешные обеты*. Естественно,

по смыслу формы **ты** противопоставлены, прежде всего, **я-лирическому герою**, причем не только в роли субъекта (адресанта), но и в роли объекта самого себя: *Напрасно я себе на память приводил // И милый образ твой и прежние мечтанья*. Особо следует отметить, что в стихотворении Боратынского лирический герой характеризует и свое отношение к нелюбимой женщине, которая, однако, может стать его спутницей в жизни. Но при этом он не обращается к ней на **ты**, а использует местоименную форму 3-го л.: *стану рядом с ней, назову ее моею*, а также местоимение **мы** (я и она): *не завидуй нам, обмена тайных дум не будет между нами, душевным прихотям мы воли не дадим, мы жребию свои соединим*.

Таким образом, в «Признании» Боратынского местоимения выполняют **разные роли** (**я-лирический герой**, **ты-возлюбленная**, **она-потенциальная жена**, **мы – я и возлюбленная**, **мы – я и потенциальная жена**). Отношения с ними воспринимаются лирическим **я** как разные истории: с возлюбленной – это отношения расставания, когда *«не властны мы в самих себе»*, в результате чего *«путь новый я избрал, путь новый избери»*. В отношении потенциальной жены – это отношения с нелюбимой женщиной на новом этапе жизни поэта. Обращает на себя внимание *отсутствие* местоимения **вы** и его форм в отношении бывшей возлюбленной. Можно предположить, что употребление **ты** и его форм свидетельствует о несомненной сердечной близости лирического героя и его возлюбленной, но только уже в прошлом, когда *«Безжизненные мои воспоминанья, // Я клятвы дал, но дал их выше сил»*. Немаловажно и то, что причину расставания лирический герой видит в себе: *Но в бурях жизненных развлекся я душою, // Уж ты жила неверной тенью в ней*.

В отличие от боратынского стихотворения «Признание», пушкинское стихотворение «Признание» не содержит такого разнообразия местоимений. И при этом, главное, в нем широко представлено лишь местоимение **вы** и его формы, а не **ты**. Означает ли это, что линия сердечности отсутствует в связи с отсутствием *любовного ты* в качестве адресата лирического героя? Думается, нет. Потому что их отношения – это, скорее всего, отношение лирического героя, которому *«не к*

лицу и не по летам... воспринимать «болезнь любви в душе» без оглядки («пора мне быть умней»). В результате *«Я в умиление, молча, нежно // Любуюсь вами, как дитя»*. Это признание человека, который осознает, что требовать любви от девушки с девственным, невинным голосом он не смеет. Для восприятия этих отношений важны уже не столько слова или переход в общении на **ты**, сколько взгляд возлюбленной, который *«Все может выразить так чудно!»*.

Таким образом, употребляя местоимение **вы** в общении, лирический герой Пушкина соблюдает этикетные нормы и приличия, поскольку переход на **ты** будет восприниматься светским окружением как нарушающее традиционные формы обращения, которые могли быть интерпретированы (истолкованы) как компрометирующие молодую даму. В качестве же средств выражения отношений, прежде всего, со стороны лирического героя оказываются **лексические средства**, представленные разными частями речи: *люблю, признаюсь, любуюсь; скучно, грустно; легкий шаг, голос девственный, невинный, ревнивая печаль; ангел, болезнь любви, умиление* и т. д. Все эти языковые средства отражают в элегии Пушкина его восприятие любви как дара бесценного, пренебрежение к которому приводит лирического героя у Боратынского, к *«хладу печальному»*, в котором *«уж нет прекрасного огня... любви первоначальной»*.

Существенно в отношениях лирического героя и возлюбленной также то, что **у Пушкина** причина безответной любви чаще всего определяется отношением со стороны возлюбленной, которая не всегда способна понять и оценить чувства лирического героя. **У Боратынского** же сам лирический герой (автор) часто проявляет холодность, называет свое поведение изменой по отношению к возлюбленной. При этом он уходит в пространные рассуждения о смысле жизни и любви, которые свидетельствуют о его нежелании продолжать любовные отношения, хотя при этом они в его душе не угасли совсем.

Показательным в этом плане является стихотворение Боратынского «Уверение» (1824): *Нет, обманула вас молва, // По-прежнему дышу я с вами, // И надо мной свои права // Вы не утратили с годами*. В этом

стихотворении он употребляет личное местоимение **вы** в отношении своей бывшей возлюбленной. Можно предположить, что в выборе между местоимениями **ты** и **вы** Боратынский остановился на использовании местоимения **вы** как отражающего уважительное и преданное отношение к ней, но не дающего повода для дальнейших сердечных отношений. Однако в целом для Боратынского, на наш взгляд, предпочтительнее все же был выбор «сердечного» местоимения **ты** в отношении к любовному адресату. В одном из поздних стихотворений «Когда, дитя и страсти и сомненья...» (1844) именно местоимение **ты** символизирует сердечность, преданность и страсть поэта к любимой женщине: *О, сколько раз к тебе, святой и нежной, // Я принимал главой моей мятежной, // С тобой себе и небу веря вновь.*

Думается, и у Пушкина смысловое противопоставление **ты** – **вы**, наполненное поэтическим смыслом сердечных отношений между адресантом и адресатом, также в большей степени представлено выбором в пользу употребления местоимения **ты**. Именно оно характеризует страсть поэта, его воспоминания о любви, сердечность и близость возлюбленной. Ср. употребление **ты** в таких стихотворениях, как «В крови горит огонь желанья» (1825): *Лобзай меня: твои лобзанья // Мне слаще мирра и вина;* «Простишь ли мне ревнивые мечты» (1823): *Но я люблю... Наедине со мною // Ты так нежна! Лобзания твои // Так пламенны! Слова твоей любви // Так искренно полны твоей душою!* и др.

Особо следует выделить стихотворения Пушкина, в которых возлюбленная, как и сам лирический герой, обращается на **ты** к нему. Именно в такого рода текстах наиболее действительно воспринимаются отношения собеседников, их сердечная близость. Так, например, в стихотворении «Ночь» (1823) звучит не только голос лирического героя в его общении на **ты** с возлюбленной, но и ее голос: *Во тьме твои глаза блистают предо мною, // Мне улыбаются, и звуки слышу я: // Мой друг, мой нежный друг... люблю... твоя... твоя!..* Ср. также в стихотворении «Желание славы» (1825): *Когда, склонив ко мне томительные взоры // И руку на главу мне тихо наложив, // Шептала ты: скажи, ты любишь, ты счастлив?*

Заключение

Общим для Пушкина и Боратынского в отношении выбора местоимения по линии **ты** – **вы** в рамках любовного адресата является стремление поэтов учесть в своей любовной лирике, представленной жанром элегии, семантическое (смысловое) расширение этих местоимений, используя вторичную концептуализацию в составе поэтического текста в целом, а точнее, лирического произведения. Первичной для **вы** является обозначение обращения к нескольким лицам. Вторичная же концептуализация местоимения **вы** дополняет его новым семантическим (смысловым) содержанием в рамках обращения к конкретному лицу. В результате вторичный смысл **вы** оказался противопоставленным первичному смыслу **ты**, который был в языковом сознании славян наиболее естественной формой обращения к адресату. Учитывая, что в русском сознании обращение на **ты** присутствует и в обращении к Богу, можно предполагать, что **ты** в своем основном референтном значении, называющем Бога, окрашено чувствами верующих, которым присущи сердечность и душевность в общении с Богом. Поэтому, вероятно, что в рамках поэтического текста и другие референтные смыслы **ты** (автор, лирический герой, возлюбленная как адресат обращения) характеризуются сердечным и душевным восприятием.

Что же касается местоимения **вы**, то в обращении на **вы**, заимствованном Петром I из системы обращений других народов, сердечность и душевность оказались нейтрализованными. Это и позволяет в обращении на **вы** воспринимать в той или иной степени формальное (и в этом смысле «пустое») обращение. Наиболее лаконично и художественно ярко это выразил Пушкин в своем лирическом стихотворении «Ты и вы». Именно в ориентации на его восприятие *сердечного ты* и *пустого вы* чаще всего использовалось употребление этих местоимений. В любовной лирике Боратынского представлено, на наш взгляд, в большей степени именно пушкинское восприятие, прежде всего в отношении *любовного ты и вы*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Винокур Г. О., 1990. Я и ты в лирике Баратынского : (Из этюдов о русском поэтическом языке) // Филологические исследования : Лингвистика и поэтика. Москва : Наука. С. 241–249, 357–362.
- Довгий О. Л., 2015. История употребления «ты» и «вы» // Русская речь. № 3. С. 91–95.
- Ковтунова И. И., 2005. Категория лица в языке поэзии // Поэтическая грамматика. В 2 т. Т. 1. Москва : Азбуковник. С. 7–72.
- Лопушанская С. П., 1990. Развитие и функционирование древнерусского глагола. Волгоград : Изд-во ВПИ. 114 с.
- Лопушанская С. П., 1998. О вратах учености : История учебной книги по русскому языку. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 192 с.
- Лопушанская С. П., 1999а. Лингвокультурологическая значимость писем А.С. Пушкина как совокупность проявлений жизни русского народа // Наш Пушкин : IX Междунар. конгр. МАПРЯЛ / отв. ред. А. Червеняк. Nitra : Filoz. fak. UKF v Nitre : Asoc. rusistov Slovenska. С. 201.
- Лопушанская С. П., 1999б. Русское слово в системе языка и в тексте А.С. Пушкина // Изучение и преподавание русского слова от Пушкина до наших дней : материалы конф. и семинаров. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 19–26.
- Лотман Ю. М., 1972. Анализ поэтического текста. Ленинград : Просвещение. 270 с.
- Потебня А. А., 1989. Слово и миф. Москва : Правда. 622 с.
- Ревзина О. Г., 1998. Системно-функциональный подход в лингвистической поэтике и проблемы описания поэтического идиолекта : автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Москва. 86 с.
- Тамарченко Н. Д., 2001. Теоретическая поэтика: понятия и определения. Москва : РГГУ. 467 с.
- Шарандин А. Л., 2011а. Лексическая категоризация времени и ментальность // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Вып. 2 (14). С. 11–16.
- Шарандин А. Л., 2011б. Языковая категоризация времени как отражение русской ментальности // Слово в языке и тексте : сб. ст. к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. С. 367–383.
- Шарандин А. Л., 2012. Когнитивная поэтика в системном описании поэтического языка // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 10. (144). С. 18–26.
- Шарандин А. Л., 2013. Поэтика как объект междисциплинарного изучения // Экология языка и речи. Тамбов : ТГУ. С. 281–283.
- Шарандин А. Л., 2022а. Особенности эволюции и языковой репрезентации времени в русском языке // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Тамбов : Державинский. С. 232–242.
- Шарандин А. Л., 2022б. Школьные учебники как отражение традиционных и новых знаний (на примере понятия морфемы) // Семантика и функционирование языковых единиц в славянских языках. Волгоград : Изд-во ВолГУ. С. 141–149.
- Шарандин А. Л., 2024. Актуальное членение стихотворения А.С. Пушкина «Я Вас любил» // Славянский мир: духовные традиции и словесность. Тамбов : Державинский. С. 282–291.
- Шарандин А. Л., 2025. Стихотворения А.С. Пушкина «Я вас любил» и «На холмах Грузии» в контексте лингвистического анализа художественного текста // Неофилология. Т. 11, № 3. С. 540–552.

ИСТОЧНИКИ

- Баратынский Е. А. Полное собрание сочинений. Москва : Директ-Медиа, 2014. 516 с.
- Княжнин Я. Б. Избранные произведения. Ленинград : Сов. писатель, 1961. 710 с.
- Пушкин А. С. Полное собрание сочинений : в 16 т. Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР. 1937–1949. Т. 13. 1937. 531 с. ; Т. 16. 1949. 503 с.

REFERENCES

- Vinokur G.O., 1990. Ja i ty v lirike Baratynskogo: (Iz etjudov o russskom poeticheskom jazyke) [I and You in Baratynsky's Lyrics: (From Studies on the Russian Poetic Language)]. *Filologicheskiye issledovaniya: Lingvistika i poetika* [Philological Research: Linguistics and Poetics]. Moscow, Nauka Publ., pp. 241-249, 357-362.
- Dovgy O.L., 2015. Istorija upotreblenija «ty» i «vy» [The History of the Use of “You” and “You Are”]. *Russkaja rech* [Russian Speech], no. 3, pp. 91-95.
- Kovtunova I.I., 2005. Kategorija litsa v jazyke poezii [The Category of Person in the Language of Poetry]. *Poeticheskaja grammatika. V 2 t. T. 1* [Poetic Grammar. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 7-72.
- Lopushanskaja S.P., 1990. *Razvitije i funkcionirovanije drevnerusskogo glagola* [The Development and Functioning of the Old Russian Verb]. Volgograd, Izd-vo VPI. 114 p.
- Lopushanskaja S.P., 1998. *O vratakh uchenosti: Istorija uchebnoj knigi po russskomu jazyku* [On the Gates of Learning: The History of a Russian Language Textbook]. Volgograd, Izd-vo VolGU. 192 p.
- Lopushanskaja S.P., 1999a. Lingvokulturologicheskaja znachimost pisem A.S. Pushkina kak sovokupnost projavlenij zhizni russskogo naroda [The Linguocultural Significance of A.S. Pushkin's Letters as a Collection of Manifestations of the Russian People's Life]. Chervenyak A., ed. *Nash Pushkin: IX Mezhdunar. kongr. MAPRYaL* [Our Pushkin: The 9th International Congress of the International Association of Russian Language Teachers]. Nitra, Filoz. fak. UKF v Nitre, Asoc. rusistov Slovenska, p. 201.
- Lopushanskaja S.P., 1999b. Russkoje slovo v sisteme jazyka i v tekste A.S. Pushkina [The Russian Word in the System of Language and in the Text of A.S. Pushkin]. *Izuchenije i prepodavanije russskogo slova ot Pushkina do nashikh dnei: Materialy konferentsij i seminarov* [The Study and Teaching of the Russian Word from Pushkin to the Present Day: Proceedings of Conferences and Seminars]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 19-26.
- Lotman Ju.M., 1972. *Analiz poeticheskogo teksta* [Analysis of a Poetic Text]. Leningrad, Prosveshchenije Publ. 270 p.
- Potebnja A.A., 1989. *Slovo i mif* [Word and Myth]. Moscow, Pravda Publ. 622 p.
- Revzina O.G., 1998. *Sistemno-funktsionalnyj podkhod v lingvisticheskoj poetike i problem opisaniya poeticheskogo idiolekta: avtoref. dis. ... d-ra. filol. nauk* [System-Functional Approach in Linguistic Poetics and Problems of Describing a Poetic Idiom. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 86 p.
- Tamarchchenko N.D., 2001. *Teoreticheskaja poetika: ponjatija i opredelenija* [Theoretical Poetics: Concepts and Definitions]. Moscow, Izd-vo RGGU. 467 p.
- Sharandin A.L., 2011a. Leksicheskaja kategorizatsija vremeni i mentalnost [Lexical Categorization of Time and Mentality]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (14), pp. 11-16.
- Sharandin A.L., 2011b. Jazykovaja kategorizatsija vremeni kak otrazhenije russskoj mentalnosti [Linguistic Categorization of Time as a Reflection of Russian Mentality]. *Slovo v jazyke i tekste: sb. st. k 85-letiju so dnja rozhdenija Sofii Petrovny Lopushanskoy* [The Word in Language and Text. Collection of Articles Dedicated to the 85th Anniversary of Sofia Petrovna Lopushanskaja]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, pp. 367-383.
- Sharandin A.L., 2012. Kognitivnaja poetika v sistemnom opisanii poeticheskogo jazyka [Cognitive Poetics in the Systemic Description of Poetic Language]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov University. Series: Humanities], iss. 10 (144), pp. 18-26.
- Sharandin A.L., 2013. Poetika kak objekt mezhdistsiplinarnogo izuchenija [Poetics as an Object of Interdisciplinary Study]. *Ekologija jazyka i rechi* [Ecology of Language and Speech]. Tambov, TGU, pp. 281-283.
- Sharandin A.L., 2022a. Osobennosti evoljutsii i jazykovoj reprezentatsii vremeni v russskom jazyke [Features of the Evolution and Linguistic Representation of Time in the Russian Language]. *Slavyanskij mir: dukhovnye traditsii i slovesnost* [Slavic World: Spiritual Traditions and Literature]. Tambov, Derzhavinsky, pp. 232-242.
- Sharandin A.L., 2022b. Shkolnyje uchebniki kak otrazhenije traditsionnykh i novykh znanij (na primere ponjatija morfemy) [School Textbooks as a Reflection of Traditional and New Knowledge (On the Example of the Concept of Morpheme)]. *Semantika i funkcionirovanije jazykovykh jedinit v slavyanskikh jazykakh* [Semantics and Functioning of Language Units in Slavic Languages]. Volgograd, Izd-vo VolGU, pp. 141-149.

- Sharandin A.L., 2024. Aktualnoje chlenenije stikhotvorenija A.S. Pushkina «Ja Vas ljubil» [The Actual Division of A.S. Pushkin's Poem "I Loved You"]. *Slavjanskij mir: dukhovnyje traditsii i slovesnost* [Slavic World: Spiritual Traditions and Literature]. Tambov, Derzhavinsky, pp. 282-291.
- Sharandin A.L., 2025. Stikhotvorenija A.S. Pushkina «Ja vas ljubil» i «Na kholmakh Gruzii» v kontekste lingvisticheskogo analiza khudozhestvennogo teksta [Poems by A.S. Pushkin "I Loved You" and "On the Hills of Georgia" in the Context of Linguistic Analysis of a Literary Text]. *Neofilologija* [Neofilology], vol. 11, no. 3, pp. 540-552.

SOURCES

- Baratynsky E.A. *Polnoje sobranije sochinenij* [Complete Works]. Moscow, Direct-Media Publ., 2014. 516 p.
- Knjazhnin Ja.B. *Izbrannnye proizvedenija* [Selected Works]. Leningrad, Sov. pisatel Publ., 1961. 710 p.
- Pushkin A.S. *Polnoje sobranije sochinenij: v 16 t.* [Complete Works. In 16 Vols.]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1937–1949, vol. 13, 1937. 51 p.; vol. 16, 1949. 503 p.

Information About the Author

Anatoly L. Sharandin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language, Russian and Foreign Literature, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia, sharandin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>

Информация об авторе

Анатолий Леонидович Шарандин, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, русской и зарубежной литературы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия, sharandin@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0296-0473>